

Шэнь Сюмэй, видя, как ему муторно, тут же протянула миску с костным бульоном.

— На-ка, отвар горький, запей супчиком, перебей вкус.

Костный бульон томили невесть сколько, он уварился до молочной белизны и источал густой мясной аромат, от которого у Се Цзиньхуаня в животе громко заурчало.

Он мгновенно залился краской до ушей и непроизвольно прижал ладонь к предательски подавшему голос животу. Опустив голову, он не смел взглянуть, какое выражение лиц было у Шэнь Сюмэй и остальных.

Шэнь Сюмэй не нашла в этом ничего особенного: с учётом времени в дороге человек проспал трое суток — вот и проголодался, что ж удивительного.

— Яньэр, сходи-ка быстренько к очагу, принеси миску горячей жидкой каши.

Сюй Янь скользнул взглядом по зардевшемуся лицу юноши, ничего не сказал и снова повернул в сторону кухонной пристройки.

Как только давящий своим присутствием человек ушёл, Се Цзиньхуань немного расслабился. Взяв из рук тётушки костный бульон, он вежливо проговорил: «Благодарю, тётушка», — и с жадностью принялся пить.

Выпив бульон и съев миску жидкой рисовой каши, он почувствовал, что желудок больше не сводит так сильно, сил заметно прибавилось, да и горло смягчилось.

Не дожидаясь расспросов Шэнь Сюмэй, он сам заговорил о том, откуда взялся:

— Тётушка, на самом деле я вовсе не бродяга и не нищий. Меня зовут Се Цзиньхуань, я родом из уезда Чэнъань. Я... я сбежал из дому.

— Сбежал? — Шэнь Сюмэй мгновенно ухватила за это слово.

Она думала, что этого маленького гэра постигла дома беда и он скитается без крова. Она уже была готова приютить его насовсем.

Никак не ожидала, что этот с виду юный гэр не только не мал годами, но и смелости не занимает. Родители живы-здоровы, а он один посмел убежать из дому!

Стоявший рядом Сюй Янь тоже был изумлён.

Маленький гэр выглядел таким нежным и кротким, нрав имел, по всему видно, послушный, и

смелостью, кажется, не отличался. Никак не походил на того, кто способен на нечто из ряда вон выходящее.

Что же такое должно было случиться, чтобы пугливый гэр предпочёл страдать на чужбине, лишь бы покинуть родной дом?

Едва вспомнив об отце, Се Цзиньхуань помрачнел, и глаза его сами собой снова защипали от слёз.

— Моя мама слегла от болезни, когда я был ещё совсем мал, и с тех пор не вставала с постели. С того времени отец меня и невзлюбил. Потом он взял себе другую жену, и новая госпожа, полагаясь на его любовь, то била меня, то ругала. В доме мне не стало места, а отец ещё и вознамерился меня отдать... отдать в наложники одному влиятельному и знатному господину...

Слово «наложник» звучало постыдно, и выговорить его было стыдно, но он, преодолевая себя, всё же произнёс его.

— Тот старый господин был годами старше моего отца, и слава о нём шла плохая. Мама не согласилась и помогла мне бежать, велев искать приюта у семьи деда с бабкой по её линии.

Выплеснув за один раз всю скрытую в душе обиду, он залился слезами, и они, словно порванная нитка жемчуга, градом покатались одна за другой. Он изо всех сил утирал их рукавом, но они всё лились и не кончались.

Лицо Шэнь Сюмэй несколько раз менялось в цвете. Никак не думала она, что подобранный с дороги маленький гэр окажется ребёнком из богатого дома! Дело-то выходило хлопотное!

Но услышав о последующих злоключениях парня, она мигом отбросила все сомнения прочь. На лице её отразилась смесь сердечной боли и возмущения:

— Вот злодейство-то! Даже лютый тигр не жрёт собственных детёнышей! А этот старый бесстыдник — сущий нелюдь!

Выругавшись, она легонько, неуклюжим, но полным участия движением погладила тощую спину Се Цзиньхуаня и мягко, понизив голос, принялась утешать:

— Полно, Хуань-гэр, не плачь. Слезами горю не поможешь, здоровье надорвёшь — не стоит он того.

Сюй Янь всё это время молча стоял в тени дверного проёма. При словах «отдать в наложники знатному господину» руки его, опущенные вдоль тела, сами собой сжались в кулаки, так что побелели костяшки, а в глубине глаз промелькнул ледяной холод.

Он смотрел на тонкую фигуру на постели, чьи плечи вздрагивали от плача, и непонятная

тяжесть на сердце стала ещё тяжелее.

Лишь спустя время рыдания Се Цзиньхуаня начали стихать. Выплеснув горе, он почувствовал, что на душе даже стало немного легче.

— Спасибо вам, тётушка, спасибо вам, старший брат Сюй. Если б не вы, я, верно, так бы и умер на полпути. Эту милость я запечатлел в сердце, и когда-нибудь, при случае, отплачу за неё сторицей!

Он поглядел на простую деревенскую женщину перед собой и украдкой бросил взгляд на высокую, безмолвную, как гора, фигуру в дверях. В сердце его поднялась тёплая волна.

Он чувствовал, что ему и вправду улыбнулась удача.

Шэнь Сюмэй, слыша такие речи, тоже порадовалась в душе. Ребёнок знает правила приличия, умеет быть благодарным!

— Будет тебе, будет. Ты только очнулся, не утомляйся. Отдохни пока.

Се Цзиньхуань послушно кивнул и с помощью Шэнь Сюмэй улёгся обратно.

Шэнь Сюмэй вывела старшего сына наружу и заодно прикрыла за собой дверь.

Дни в семье Сюй текли тихо и безмятежно. Через день Шэнь Сюмэй непременно варила Се Цзиньхуаню укрепляющий бульон. Отец Сюй, хоть и не умел говорить ласковых слов, всякий раз после забоя свиньи оставлял дома самые лучшие кости.

Эти кости, конечно, больших денег не стоили, но за цзинь всё же можно было выручить семь-восемь медяков. Младший сын в семье и учился, и постоянно нуждался в лекарствах, так что жили они в большой нужде.

С трудом скопленные за эти годы деньги ушли подчистую несколько дней назад на поездку в уезд на экзамены. Теперь же приходилось и вовсе затянуть пояса потуже.

Сюй Янь был человеком сдержанным и немногословным. Когда забивали свинью, он вместе с отцом выходил торговать к лотку. Когда свинины не было, шёл в порт на подённую работу. Уходил спозаранку и возвращался затемно, так что видеть его можно было редко.

Или, быть может, соблюдая запрет на близость меж мужчинами и гёрами, он с того самого дня, когда Се Цзиньхуань впервые пришёл в себя, больше не заходил в эту комнату. Лёжа в постели, Се Цзиньхуань мог лишь изредка слышать его голос.

Сюй Юй, хотя и был учёным человеком, оказался вовсе не чопорным, как представлялось Се Цзиньхуаню. Напротив, нрава он был на редкость живого. Видя, что больной скучает, он приносил книжки с картинками и рассказывал по ним истории или делился забавными деревенскими новостями, помогая коротать время.

На душе у Се Цзиньхуаня было тепло. Семья Сюй казалась ему замечательной: без излишних условностей, без бесконечных козней и интриг. Всё было просто, безыскусно, но дарило чувство покоя и безопасности.

Он даже раз мечтался, как было бы хорошо, будь и он ребёнком в этой семье. Но фамилия его была Се. Се из уезда Чэнъянь.

Провалившись в постели пять дней, Се Цзиньхуань начал испытывать настоящие угрызения совести. Он чувствовал себя конченным калекой и обузой.

Все эти дни за ним ухаживали, а он лишь смотрел, как тётушка хлопчет по хозяйству, как дядюшка Сюй и старший брат Сюй уходят затемно и возвращаются затемно, и даже болезненный Сюй Юй помогает кормить кур и уток.

Он уже давно понял, что семья Сюй небогата. Стены дома были из утрамбованной глины, крыша — соломенная. Вся мебель — старая, ветхая, явно служившая много-много лет.

Но при всём этом они приютили и содержали его — совершенно чужого человека. Мысль об этом не давала ему покоя.

В полдень того дня лучи солнца косо струились сквозь оконную решётку. Шэнь Сюмэй сидела во дворе на низенькой скамеечке и зашивала протёртую одежду отца Сюй. Иголочка с ниткой так и мелькала в её огрубевших, но ловких пальцах.

Се Цзиньхуань через окно издали наблюдал эту картину, и в голове у него созрело решение.

— Тётушка... — он нарочно повысил голос.

Шэнь Сюмэй, слышав оклик, бросила иголочку с ниткой и вошла в дом. С участием она спросила:

— Что такое, Хуань-гэр? Пить захотел?

Се Цзиньхуань покачал головой, нервно теребя пальцами край одеяла.

— Я... я видел, вы шьёте одежду. Я в детстве немного учился у мамы рукодельничать. Хотя моё мастерство с вашим и не сравнится, но поставить заплатку или пришить пуговицу я, наверное, смогу.

Чем дольше он говорил, тем тише становился его голос, а щёки заливал жаркий румянец — он страшился отказа.

— Мне целыми днями лежать тоже тяжело. Если вы не побрезгуете, не могли бы вы дать мне какую-нибудь работу? Я обещаю, что ничего не испорчу.

Шэнь Сюмэй на мгновение опешила. Встретившись с осторожной мольбой и неуверенностью во взгляде маленького гэра, она сразу всё поняла.

«Ребёнок тяготится тем, что даром ест чужой хлеб», — осенило её.

На сердце у неё стало и горько, и сладко. До чего ж понятливый ребёнок! И как только у его отца хватило совести, ослепнув, довести такого хорошего парня до последней крайности!

— Ай-яй, какая же тут может быть брезгливость? — на лице Шэнь Сюмэй расцвела улыбка. — Что ты готов помочь, о том тётушка могла бы только мечтать! Как раз кстати, а то у меня от долгого шитья в глазах темнеет, старая стала.

Она поднялась и проворно принялась рыться в корзинке для рукоделия.

— Только давай сразу уговоримся, — она положила иголки, нитки и старую корзинку с несколькими вещами, требующими починки, под руку Се Цзиньхуаню. — Шить только сидя, потихоньку. Утомляться нельзя! Чуть голова закружится или руки заноют — сразу бросай и отдыхай! Понял? А не то тётушка тебе больше ни за что не даст.

Глаза Се Цзиньхуаня мгновенно просияли, и унылое выражение на лице сменилось живым воодушевлением.

Он лихорадочно закивал, боясь, как бы Шэнь Сюмэй не передумала:

— Да, я запомнил, тётушка, будьте спокойны. Я буду делать всё неспеша и не перетружусь.

Шэнь Сюмэй, видя тот свет, что зажётся меж его бровей, и то сосредоточенное выражение, с которым он взял иголку, тоже успокоилась.

Она нарочно выбрала несколько вещей, где износ был невелик и латать было легче. Так и желание его будет исполнено, и сам он не переутомится.

Се Цзиньхуань со всей бережностью принял корзинку с рукоделием. Когда подушечки пальцев коснулись грубой ткани и холодной иглы, на душе у него наконец стало спокойно.

По крайней мере, пока он не уйдёт, он тоже сможет выполнять хоть какую-то работу, чтобы отблагодарить семью Сюй за своё спасение.

<http://bllate.org/book/19685/1949383>